Глаза Риеты пылали красным, а щеки были надуты. Я ответила ей спокойной улыбкой.

"Правда? Но мне все еще нравится Риета?"

Ик. Риета икнула.

Влажные серебряные глаза стали совсем круглыми.

Милый ребенок застеснялся от одного этого слова, но дело было не в этом.

"Риета. Что я только что сказала?"

Риета вздрогнула от моего низкого голоса.

Я наблюдала, как она шевелит пальцами, а ее глаза стали беспокойными.

Хорошо. Теперь она осознала свою ошибку?

"Не бей своего друга, но он мне не друг!"

"Тогда, могу ли я ударить тебя, если я не твой друг?"

"Он ударил меня первым!"

"Да, я понимаю, что тебе больно, потому что тебя ударили. Но Риета, Шуэлю, наверное, было так же больно, как и тебе".

Риета сжала руки и энергично затрясла головой, как разъяренная кошка.

Ее серебряные глаза, теперь покрытые гневом и предательством, уставились на меня.

"Почему ты не на моей стороне?"

Слезы навернулись на глаза Риеты, показывая, что ей снова грустно.

Я осторожно промокнула глаза Риеты носовым платком и глубоко вздохнула.

Я смутно понимал, что чувствует Риета.

Шуэль, выросший в безусловной любви своих родителей, был предметом зависти.

Как бы сильно жители герцогства ни любили Риету, они не ставили Шуэля позади Риеты.

Дети могут с пугающей точностью замечать количество внимания, получаемого ими от других. Риета хотела, чтобы я отдавала предпочтение ей, а не Шуэлю. Чтобы я заботилась о ней, как если бы я была родителем, как кто-то, кто старше ее.

Но я не могу безоговорочно любить только ребенка.

Дело не только во мне, но и во всех остальных.

Даже если бы Риета отправилась к маркизу Шрайдеру, как в оригинальном сюжете, любили бы ее больше, чем двух сыновей в семье?

На первый взгляд, Риета, которая была моложе двух молодых господ, получила бы больше внимания. Но действительно ли маркиз предпочтет Риету своим сыновьям, когда их поставят на весы вместе?

Она никогда и ни для кого не была первым выбором.

Такова судьба ребенка без родителей.

"Я говорю тебе это сейчас не потому, что ненавижу тебя или что ты плохая. А потому, что бить кого-то - это неправильно".

Я не ненавижу Риету. Нет, на самом деле, Риета мне вполне нравилась.

Но я не могу взять на себя ответственность за всю жизнь ребенка.

"Однако, Риета, я буду на стороне того, кто прав".

Это было одиночество, которое Риета должна была нести до конца своих дней. Боль, с которой ей, несомненно, придется столкнуться.

Поэтому я показываю ей эту правду сейчас, чтобы успокоить свою совесть.

В отличие от прежнего случая, когда я говорила мягко, с намеком на привязанность, несмотря на беспечность. В этот раз я говорил холодным тоном, не меняя голоса.

Я не просто использовала слова, чтобы описать эту ситуацию.

Я не отношусь к тебе как-то особенно, как к кому-то другому. Я очень четко и резко провела черту.

Риета слегка приоткрыла рот.

Ее глаза дрожали, возможно, от шока или гнева.

Но в конце концов, эмоцией в глазах Риеты был страх.

"Я была не права..."

Я чувствовала себя немного виноватой, когда она запиналась, пытаясь сдержать слезы.

"Мне жаль. Я не буду драться. Я не буду кричать, я не буду делать этого снова..."

Риета не кричала и не плакала, как раньше.

Она просто дрожала, и ее маленькое тело напряглось.

Я прикусила губу. Меня нисколько не радовал ее вид.

Я была слишком поспешна в своих действиях.

Риета была слишком молода, чтобы понять, что ей придется встретить мир без чьей-либо поддержки.

Как только я широко раскинул руки, Риета бросилась ко мне и крепко обняла. Мы с Риетой были одного роста, но Риета была меньше.

Я посмотрела на ребенка и нежно погладила ее мягкие волосы.

"Прости, что я сказала это так яростно. Я не сержусь на тебя".

Плечи Риеты вздрогнули в моих руках. Я пожалела, что непреднамеренно стимулировала травму ребенка.

Ты прекрасный и милый ребенок, в котором нет места ненависти.

Мне было больно видеть, как ты, заслуживающая любви, отшатываешься даже от малейшего намека на холодность.

Однако я также знала, что это не та травма, которую можно просто решить несколькими словами.

Вместо неуклюжего утешения я сменила тему на что-то более легкое.

"Вообще-то с Шуэлем весело играть, да?".

Кивок.

"Но ты раздражаешься, когда приходится играть непрерывно, а когда ты злишься, Шуэль начинает много говорить. А тебе это не нравится, не так ли?".

Кивок, кивок.

"Но тебе было грустно, когда Шуэль сказал, что ты ему не друг".

Кивок.

Риета снова разрыдалась.

Ребенок плакал глупо, и ее лицо исказилось, как у пельменя.

Вытирая уголки глаз Риеты, я улыбнулась.

"Но... я горжусь тем, что ты не сказала плохих слов. Хорошая работа".

Когда Риета и Шуэль впервые подрались, Риета использовала несколько грубых ругательств, о которых даже я никогда раньше не слышала.

Это были нецензурные и тревожные ругательства, которые удивили даже меня, знавшую все виды ругательств из воспоминаний о моей прошлой жизни.

Многие слуги герцога слышали это, но никто не ругал Риету.

Вместо этого они просто сказали Риете, что эти слова очень плохие и их не следует употреблять.

После этого, как бы Риета ни сердилась, она не ругалась.

http://tl.rulate.ru/book/62675/2721591